

18.11.98

Пушкин А.С.
(музей)

культура — 1998 — 12-18 ноября — 3

Кошунственная лестница,

Пушкин А.С.

или Разговор в министерской курилке

На Федеральном Совете по культуре и искусству РФ министра Владимира Константиновича Егорова спросили, каким образом Музею-заповеднику "Михайловское" удастся добиваться финансирования на 38 процентов, при том, что в целом программа подготовки пушкинского юбилея финансируется на неполные семь процентов. Егоров сказал:

— Благодаря невероятным личным моральным усилиям и страданиям руководства заповедника. — Подумал и добавил: — И физическим...

На Федеральном Совете Георгия Николаевича Василевича, директора Михайловского, не было. И в прошлую пятницу его в министерстве не было, когда проходило заседание научно-методического совета, посвященное реставрации Пушкиногорья и подготовке к 200-летию. Отлучаться из Михайловского с каждым днем труднее — там счет времени идет уже на часы, причем световые. Короткого дня давно не хватает, строители и реставраторы на доме Пушкина работают при электричестве.

Заместитель директора Василевича Ольга Ильинична Чужикова очень понятно объяснила мне, что понимать под физическими страданиями:

— Неделями, — сказала она, — живем на министерских подоконниках...

Дело в том, что государство наше, как новорусский должник, деньги отдает, но понемножку и тянет до последнего. Поэтому-то постоянно должен дежурить кто-то из Михайловского в Бермудском треугольнике трех министерств — культуры, экономики и финансов — чтобы, не дай Бог, не пропустить момент, когда решат еще немного перечислить из обещанного музею к 200-летию, чтобы ни копейки не потерялось ни в

треугольнике, ни по пути в заповедник...

"От мух до мух", за теплый сезон этого года в Пушкиногорье произведено работ на 21 миллион рублей. Работ уникальных — по реконструкции парков, каскадов прудов, плотин, построек. Выплачено государством пока девять миллионов. Но "Псковреконструкция" трудится в долг, под державное честное слово. На собственные оборотные средства трест еще летом, еще до кризиса успел закупить стройматериалы, зная по опыту, что если и будет финансирование, то к концу финансового года, когда все на Псковщине будет под глубоким снегом...

На научно-методическом совете Минкульты, волнуясь, как всегда, выступала академик Валентина Александровна Агальцова. Сто тридцать восстановленных по всей России парков, самых знаменитых — от Архангельского и Спаского-Лутовинова до Тархан — ее научная и трудовая биография, но каждая работа для нее — как первая. Открытие — всегда, разгадка идейно-художественного образа парка...

— Я поняла, — торжество и счастье в голосе, — почему Михайловский дом стоит там, где стоит!..

Чтобы понять, потребовался дендрохронологический анализ всех насаждений усадебного парка. И тогда, сквозь наслоения позднейших посадок и "малоценный самосев" проступил сначала на схеме, на плане первоначальный замысел творцов того парка, каким его видел Пушкин. Дом, оказывается, стоит точно на воображаемой оси, проходящей по центру трех симметричных извивов синой речки Сороть, и парк был разбит так, чтобы из окон открывалась перспектива с обзором в двадцать верст. Дом располагался и строился ради вида...

— Давно не дышалось так свободно и радостно, как в восстановленном Тригорском парке, — это фраза из сухого в общем-то, подробного и деловитого получасового доклада на научно-методическом совете Ивана Ивановича Кроленко, архитектора-реставратора, эксперта совета, вернувшегося с отчетом из Пушкиногорья.

Чуть-чуть сутулясь, поворачиваясь всем корпусом, когда надо ткнуть указкой в огромную привезенную схему, подробно рассказывает о проекте реставрации его автор, псковский архитектор Владимир Евгеньевич Никитин. Этой осенью сам за рулем "уазика" вез в заповедник геодезическое оборудование, занесло по грязи, и тяжеленный мешок стукнул сзади так, что вот диагноз: "компрессионная травма позвоночника"...

К чему эти подробности о трудах и днях тех, кто в оставшиеся до двухсотлетия национального гения месяцы выкладывается, чтобы успеть завершить самые крупные за два века здешние работы, чтобы, несмотря на кризис, недофинансирование и прочие сегодняшние привычные прелести, спасти наше с вами лицо, не дать нам опозориться перед историей и культурой отечественной?

А вот к чему.

Академик Сергей Александрович Фомичев, председатель оргкомитета Пушкинской комиссии и бывший член ученого совета Музея-заповедника "Михайловское" вышел из этого совета добровольно и очень шумно два с лишним года назад, когда только начались масштабные реставрационные предпринимательские работы. С тех пор в заповеднике не был, но вниманием его не оставил. Не сосчитать письменных обращений в самые разные инстанции, от Минкульты, Госдумы и псковской областной администрации до редакций

газет и журналов Москвы, Петербурга и Пскова, написанных или поддержанных Сергеем Александровичем и осуждающих все, что делается в теперешнем Пушкиногорье.

Каждое обращение неизменно вызывало или резкое выступление в печати (заголовки — либо наотмашь: "Пушкина горе — Пушкиногорье", "Прости, Тригорское!", "Синдром бульдозера", — либо такого сомнительного свойства: "Кто попарится в пушкинскую баньку?"), или приезд очередной комиссии. Ни одна комиссия не подтвердила жалоб (от рубки парков на деловую древесину, из которой-де делались дачные срубы для чиновников Министерства культуры, до казнокрадства в особо крупных размерах), но это не мешало писать новые. Мотив претензий академика к Михайловскому все более невнятен, точнее всего он, кажется, передается цитатой: "Нет, ребята, все не так, все не так, ребята!.."

На пятничном научно-методическом совете в качестве упрека реставраторам, обвиненным в злонамеренном кошунстве, прозвучал уж совсем неожиданный тезис. Оказывается, к новому общественному туалету в заповеднике ведет лестница из природных валунов. Кошунство же в том, что оппонент усматривает сходство между этой лестницей и той, что в Святогорском монастыре ведет к могиле Пушкина...

Красными пятнами покрывалась Валентина Александровна Агальцова под крики академика об "авторстве парка-новодела", сутулился сильнее архитектор Никитин, и белыми пальцами впивалась в подлокотники моя соседка по залу Чужикова.

— Я горячий человек, — кричал академик, — и я буду писать! Я добьюсь их снятия! Василевич — не

пушкинист, не музейщик... Я знаю, как он попал на эту работу!.. Я ближайший соратник Дмитрия Сергеевича Лихачева, это все знают!

В 70-е годы, вспоминалось мне, очень любили работать с письмами трудящихся, особенно с жалобами. Отделы писем были самыми многолюдными во всех органах печати, не ответить в десятидневный срок было величайшим служебным преступлением. И были читатели, своего рода террористы (как сейчас есть телефонный террор), писавшие до десятка жалоб в месяц. Для спасения от них существовал лишь один способ. Когда количество и абсурдность жалоб от конкретного имярека переходило границы всяческих терпений, можно было копии их направить на консультацию в психдиспансер.

После выступления Фомичева сквозь шум объявили перерыв, и я пригласил бледную Ольгу Ильиничну Чужикову в буфет на чашечку кофе.

— Очень курить хочется, — призналась собеседница. Она явно не отошла еще от устроенной академиком истерики, кофе не помог — мы отправились на лестницу.

По пути я заглянул в первый попавшийся кабинет, попросить стул для дамы на время перекура. Получил разрешение, взялся за спинку и услышал:

— Знаменательный стул берете. Академик Фомичев, на нем сидя, требовал денег на проведение конференции литературоведов.

— Когда?

— Да вот только...

— Каких денег?

— А из пушкинской программы...

Очень даже умненько.

Бедный, милый, светлый Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Алексей ЧЕРНИЧЕНКО